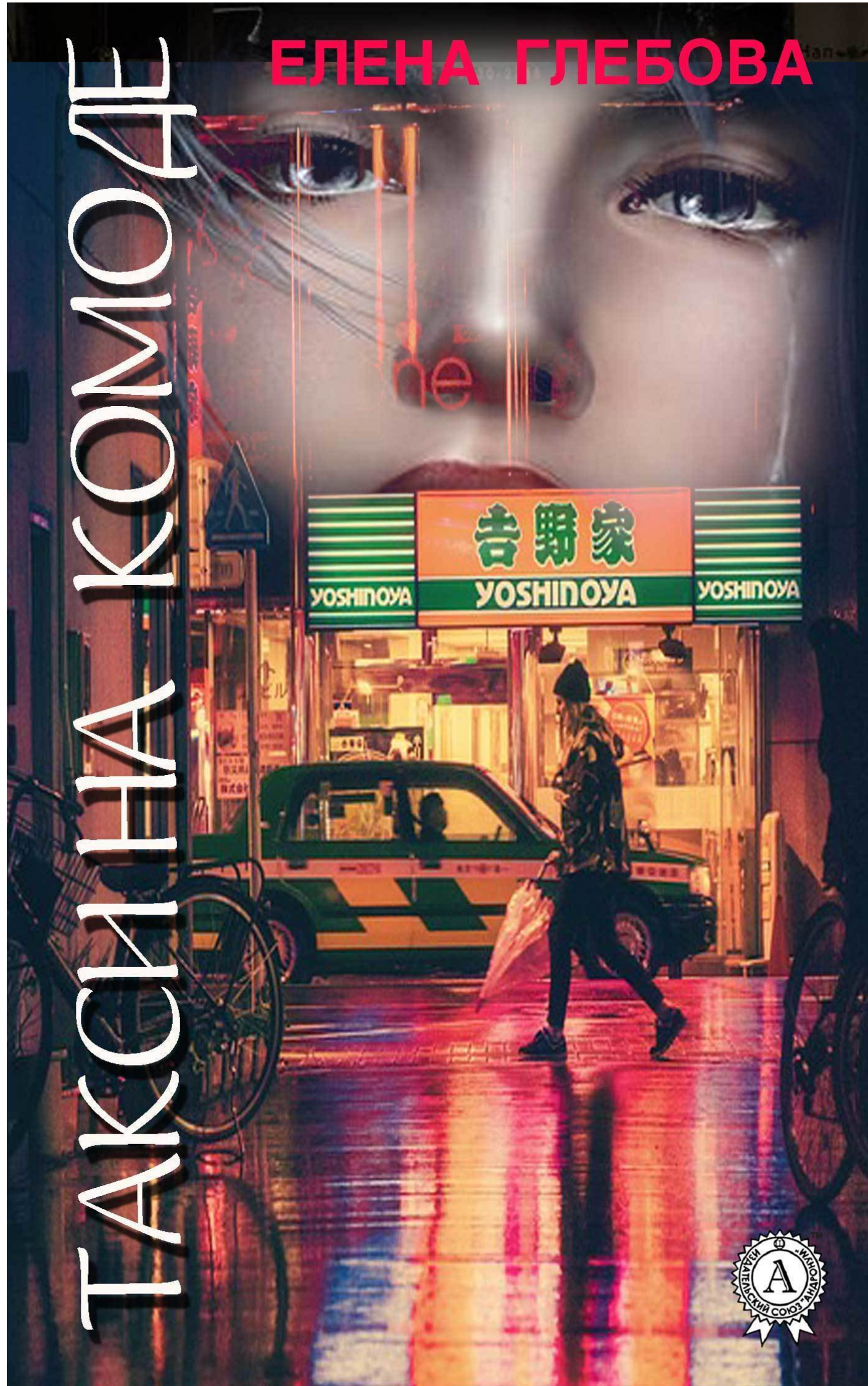

ТАКСИ НА КОМОДЕ

ЕЛЕНА ГЛЕБОВА

Елена Глебова

Такси на комод

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Глебова Е.

Такси на комодe / Е. Глебова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-788243-4

«Такси на комодe» - социально-психологическая повесть. Жанр: бульварное чтение. Аудитория: взрослая публика старше 18. Краткое описание: повесть о человеческих взаимоотношениях, о любви. Повесть написана по реальным событиям, изменены лишь имена действующих лиц. В нашей электронной библиотеке вы можете скачать книгу «Такси на комодe» автора Елены Глебовой, а также романы «Бессмертник», "Девятая жизнь кота Труффеля", "О чем молчит ягодный тис", "Морщинистая роза" и многие другие в форматах epub, fb2, pdf на телефон, андроид android, айфон iPhone, айпад iPad, а также читать онлайн без регистрации. Оставляйте отзывы о прочитанной или интересующей Вас книге на нашем сайте!

ISBN 978-1-38-788243-4

© Глебова Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	7
Часть 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Глебова

Такси на комод

*«Любовь можно заслуженно назвать трижды воров -
она не спит, смела и раздевает людей догола».*

Диоген

Часть 1

Экзамен

Шеремет сидел неподвижно у полуоткрытого окна. Его тёмные очки нервировали экзаменуемых. Вообще у кбэшников была отвратительная манера держать себя на экзаменах – никогда, глядя со стороны, не понять, куда направлен взгляд человека в тёмных очках. Может, он дремлет или отдыхает с закрытыми глазами, а, может, в упор тебя разглядывает, пытаясь подловить на шпорах. Эта маленькая такая невинная, на первый взгляд, уловка, как минимум, раздражала. Возникало ощущение, будто с тобой играют краплёной колодой. Двенадцать человек. Вся подгруппа прошла проф. подготовку и сдавала языковой экзамен. Шеремет устало зевнул. Сложно принимать экзамены у девчат семнадцати лет отроду, где одна красивее другой, но условия обучения в языковой спец. школе были регламентированы. Билеты с темами розданы, и теперь кудрявые и чернобровые, голубоглазые и курносые, веснушчатые и лопухие сидели и строчили каждая на своём листочке.

Уже ближе к обеду, когда зачётная ведомость была полностью заполнена, и экзаменуемый класс распущен по домам, к Шеремету заглянул Фёдор Сопойко:

– Ну, как твои горлицы? Хороши, не правда ли? Это не у курсантов в военном училище экзамены принимать. Как успехи?

– Да ничего так, – Шеремет вновь устало зевнул и равнодушно добавил, – я бы троих из них выделил: те две, которые рядом писали на первой парте, и ещё большеглазая такая, как её, Нелазская. Умница-девочка. Память отличная, и, знаешь, по-моему, та ещё штучка. Она им всем ещё хвосты накрутит.

– Это в каком смысле? – Сопойко даже перестал жевать свой бутерброд. Его не изуродованное интеллектом лицо, не особо обременённое какими-либо мыслями выражало тупое непонимание: что значит «накрутит хвосты».

– Это, Федя, редкое сочетание красоты и ума. Девка будет видная. Берём в обработку. Нам такие и нужны.

– Эта пигалица что ли, которую из-за портфеля не видно? – Сопойко чуть не поперхнулся бутербродом, который колом встал в горле от удивления.

– Это она перед нами, Федя, пигалица с портфелем, а переодень её и причеши – такого сотрудника ещё поискать надо.

– А этих двоих с первой парты берёшь? – Сопойко был поражён такими умозаключениями Шеремета. Шеф порой убивал его наповал. Женщины меньше, чем в четыре обхвата, вообще Сопойко не воспринимались и не рассматривались как класс. Какая красота может быть у спичечного коробка? Ножки – как карандаши в карандашнице, тощая, как перепёлка, и маленькая, как из блокадного Ленинграда. Ну, личико смазливое, но четыре обхвата – это вещь. Худосочная, хлипкая, как цыплята по рубль ноль пять, тут и личико не поможет....

– Этих с первой парты – в резерв, – устало заключил Шеремет, – оформи протокол, Федя, и завтра вызывай на собеседование всех троих.

Часть 2

Родина сказала: «Надо». Партия ответила: «ДА»

Лида Нелазская в свои семнадцать лет никогда не курила и даже не пыталась. Вместо этого она с детства грызла сначала ногти, затем карандаши. Размякшие обгрызенные края карандашей и ручек с головой выдавали её внутреннее нервное состояние. Она крутила и кусала их, даже не замечая того, как обычно курильщики крутят сигарету. Эту отвратительную привычку она сохранила за собой на всю жизнь. Языковой экзамен Лида сдала на «отлично», что, впрочем, было не удивительно, но снова из портфеля выпал «съеденный», утративший былую форму карандаш, и неприятное ощущение возобновилось. Инструктаж... А что ещё можно было ожидать по окончании специализированной школы?

Обладая природным очень острым, восприимчивым и хватким умом, Лида впитывала знания, как губка. Выросшая в захудалой деревеньке, по воле случая она приехала к тётке в город и осталась там учиться. Тогда Лида впервые увидела, что кроме варёной картошки, солёных огурцов да репы с варёными яйцами, на столе бывает мясо, а ещё сгущёнка, а по праздникам даже приличные конфеты. В городе Лида впервые в своей жизни попробовала мороженое в бумажном стаканчике с деревянной палочкой, кубики «какао с молоком» и томатный сок, в который добавляли соль по вкусу одной и той же ложкой из содового раствора все подряд, кому не лень. Для Лиды всё это было в диковинку, своеобразным деликатесом и непозволительной ранее роскошью. Тётка перекроила своё старое пальто, вывернула его ткань наизнанку и за несколько ночей сострочила Лиде пальтишко по фигуре. Это перелицованное тёткино пальто Лида сохранит на всю свою жизнь, как миллионеры хранят до конца своих дней первую заработанную ими лично монету. О том, чтобы возвращаться обратно в Нелазское, в свою маленькую позабытую Богом деревушку, чтобы стать там дояркой или почтальоном – об этом не было даже речи. Такой вопрос перед Лидой не стоял в принципе. Тётка, работавшая зав. магазином, как только выяснилось, что Лида делает успехи в учёбе и даже не малые, по протекции быстро перевела девочку в спец. школу с профильным языковым уклоном. И теперь в портфеле Лиды Нелазской лежал аттестат об окончании средней школы с отличием. Лида свободно переводила без словаря и на ура владела иностранной разговорной речью. И всё, как бы хотелось, но инструктаж портил всё дело.

«Доносить на товарищей, – Лида снова непроизвольно зажевала кончик карандаша «конструктор тм», – как это? Болтать с девчонками, работать вместе с ними, а потом доносы втихаря строчить?! Ну, это не доносы, а «информирование руководства». Надо же так обозвать и перевернуть с ног на голову привычные понятия! А как я им всем буду в глаза смотреть? А смогу ли я это сделать? А вдруг этот Шерemet и с остальных взял подобную расписку о согласии в сотрудничестве? Я – на них, а они – на меня... Господи, как же это меня так угораздило?! Я не хочу! Не хочу! Не могу и не буду! Мне противно, отвратительно и мерзко всё это! Ну, а куда теперь?! Если даже гипотетически представить, что я рву контракт по каким-то причинам и уезжаю обратно в Нелазское, в эту дыру? Кто я там? Что я там? Я знаю два языка, свободно излагаю мысли и на том, и на другом, безошибочно пишу все языковые диктанты и сочинения, у меня самые высокие баллы в группе по аудированию, вполне приемлемое для русских произношение. Мне в Нелазском всё это коровам рассказывать? Господи, что делать-то? А если не доносить? Если писать не всё, что слышишь и видишь? А вдруг кто узнает, что из меня стукача сделали? Что говорил Шерemet? Что я – комсомолка, и в том, чтобы информировать партийное руководство обо всём, что происходит среди коллектива – в этом нет ничего зазорного и скабрезного, это нормально, это просто необходимо для выявления и устранения антипатичных, социально безответственных и морально разлагающихся членов советского общества.

Ведь так?! А что же тут плохого? Нашему обществу и впрямь не нужны антисоветчики, а враги могут быть везде, даже среди, казалось бы, самых обычных людей. И даже среди своих. Враг не дремлет, как говорил Шеремет. А Шеремет ошибаться не может. Так, может, всё не так уж и плохо? Он направил меня на дополнительные курсы, через полгода буду знать французский минимум. Да, третий язык просто необходим, и тогда – официанткой в «Медведь». Да мне половина Черяпинска будет завидовать», – карандаш смачно хрустнул, и девушка мгновенно пришла в себя. Вопрос о дальнейшем плане действий уже не стоял. Лида подписала все бумаги в кабинете Шеремета и готовилась к освоению новой, такой удивительной и манящей, многообещающей и завидно й для всех должности.

За те полгода, пока Лида в ускоренном режиме осваивала азы французского языка, её, как будущую сотрудницу валютного ресторана «Медведь» тестировали на всевозможные нештатные ситуации. Она выучила все правила европейского этикета. Девушка безукоризненно знала основное и дополнительное меню, могла на любом из трёх языков свободно прокомментировать состав и способ приготовления любого из блюд, знала всю винную карту, а также совместимость алкогольной продукции с предлагаемыми рестораном блюдами. Золотая заповедь «Медведя» заключалась не только в том, чтобы сытно, вкусно и максимально дорого накормить и обслужить иностранных гостей, но и чтобы эти гости захотели вернуться вновь и оставить в «Медведе» половину своего гонорара. Закрытое заведение для иноземной элиты. Было продумано всё до мелочей. Московская «Астория» и питерский «Метрополь» казались школярами на фоне «Медведя» из захудалого, никому в то время особо не известного провинциального Черяпинска.

Маленький городок на периферии. Во время войны здесь был тыл, во многих дореволюционных каменных старинных постройках располагались госпитали, о чём свидетельствуют мемориальные доски, которые и по сей день украшают фасады этих зданий. Больше половины городка в то время было застроено деревянными скособенившимися домиками, с кривыми крышами и проваливающимися тротуарами из не строганных досок. Уродливые колонки с ключевой водой, как гигантские клювы, торчали подле дорог и дополняли мрачный убогий городской пейзаж. Лида же видела в городской романтике надежду на будущую благоустроенность. Нищета, безысходность, беспросветность в родном Нелазском выгнали её в Черяпинск, который молодел и обустривался медленно, но верно. Около крупнейшего на северо-западе металлургического комбината, который отстроили после войны заключённые, стали вырастать кирпичные хрущёвки. Кирпичные пятиэтажки появились и около вокзала. А в центре стояли оштукатуренные двухэтажные чудной красоты домики, которые строили пленные немцы. Надо сказать, что эти дома, напоминающие постройки в Калининграде, прекрасно сохранились и живы до сих пор, а квартиры в них не купить даже за большие деньги – раритет, одним словом.

Маленький городишко Черяпинск имел в то время огромное будущее. Настоящая пром. зона, он, как чертозианская мозаика, был собран из разнородных промышленных производств. Сюда стекался рабочий класс со всего Союза, город разрастался, приезжим от предприятий выделялись комнаты в общежитиях, а некоторым счастливчикам даже доводилось получить квартиру в какой-нибудь новенькой при заводской хрущёвке. И Лида уже грезилась своим углом, хотелось съехать от тётки, хотелось расправить крылья и начать свою взрослую самостоятельную жизнь. Вот ещё кто бы подсобил. Наушничать, нет, не наушничать, а выполнять чётко и сухо, строго и без эмоций, скрупулёзно и педантично, аккуратно и беспрекословно свои обязанности в коллективе. Она – не только официантка элитного ресторана, она – сотрудник органов, а это звучит гордо. «Родина сказала «надо» – партия ответила «да»». С этим девизом девушка уснула на своей скрипучей раскладушке под старым заштопанным пледом. Сгрызенный карандаш выпал из худенькой полудетской руки и закатился к плинтусу за связанный из тряпок цветастый самодельный мещанский коврик. На спящую девочку пока ещё безмолвно взирали огромные настенные старинные часы с гириями. Их равномерный стук убаюкивал.

На полированном столе, сложно сказать, где и у кого раздобытом тёткой, вместе с газетой «Правда» лежало деревянное расписное пасхальное яичко. В Бога официально никто не верил, но и тётка, и сама Лида очень дорожили этим сувенирным яичком, словно оно связывало их с прошлым какой-то невидимой, очень тонкой, но прочной ниточкой. Вязаная крючком незамысловатая скатёрка, самовязанные домашние тапочки-следки, шторы, перешитые из старого порванного покрывала, «История КПСС» в матерчатом изумрудного цвета потрёпанном переплёте и стакан в металлическом подстаканнике – эти предметы Лида сохранит в своей памяти до самой старости.

Часть 3

«Студентка, комсомолка, спортсменка и просто красавица девочка Лида» или дебют Нелазской

Дворники ещё с пяти утра вручную, покрываясь потом на морозе, усердно, с характерным вынимающим душу скрежетом совковых лопат, расчищали заснеженные дворы, чтобы рабочий класс мог как-то добраться до автобусных остановок. Редкие переполненные автобусы ходили из рук вон плохо. Их упорно ждали озябшие граждане, проклиная советский быт и втихаря обещающие себе непременно проехаться «зайцем» и не компостировать свой автобусный билетик. А если контролёр нагрянет? А чтобы нагрянуть, надо сначала в этот автобус влезть, а коли влез – научиться дышать, стоя на одной ноге на последней ступеньке. И главное – не выпасть навзничь на спину при открывании дверей, что случалось не редко. На дворе стоял январь 1971 года. Ленивая «двойка-экарус-гармошкой» выплюнула часть своих пассажиров недалеко от кинотеатра «Радуга». Лида с оторванной пуговицей на пальто и испорченным настроением, с оттоптанной мужчиной с ребёнком ногами и вязаным беретом, съехавшим на одно ухо, шустро бежала по направлению к «Медведю». Опаздывать было нельзя. Можно было приехать неумытой, без причёски, больной с температурой, но только не опоздать.

Вообще порядки «Медведя» очень сильно напоминали армейский быт. Лиде первым делом выдали форму: дорогие чулки в сеточку, кожаные чёрные туфли лодочкой на высоком каблуке с модным в то время названием «полбуханки», короткую шерстяную юбку-шестиклинку, тоже чёрную из добротной дорогой прибалтийской ткани (где они такую ткань раздобыли – одному Богу известно, но юбка приводила Лиду в неописуемый восторг) и кипельно-белую достаточно строгую блузку с умеренным декольте. Вроде бы и не совсем политкорректно, но в то же время даже придиричивый Шеремет ни слова не сказал против, когда утверждал форму для штатных сотрудников «Медведя». Достаточно элегантный образ дополнял белоснежный накрахмаленный кружевной передник и такой же кружевной головной убор, который вставляли спереди в причёску «бобетта». Это была кружевная диадема, которая могла украсить практически любой тип лица. Лиде «поставили» походку, показали, как правильно ставить ступни ног, находясь подле клиента, как грациозно наклоняться всем корпусом, но в то же время достаточно элегантно, как не уронить блюда в несколько этажей на одном подносе, как и в какие именно фужеры, рюмки и бокалы наливать алкоголь, как изящно и непринуждённо, а вместе с тем незаметно и быстро менять наполненную пепельницу, если гости изволят курить, и множество нюансов, в том числе как вежливо, тактично и деликатно отказаться от предложения услуг иного характера. Жизнь закружилась в целом водовороте событий. Перелицованное тёткино пальто давно утратило свою актуальность.

Первую в своей жизни зарплату Лида принесла домой и выложила на полированный тёткин стол около расписного пасхального яичка. Девушка так долго жила без денег, в нищете и постоянной экономии на всём, что теперь не знала, что с ними делать. Вот они лежали перед ней ровной стопкой. Дрожащей рукой Лида расписалась за получение своей первой в жизни зарплаты в кассе ресторана. Бухгалтерша сурово взглянула на девочку и строго заметила: «Не трясись так. Это всего лишь бумага». Перед Лидой и в самом деле лежала бумага, цветная, долгожданная, заслуженная упорным многолетним трудом бумага, открывавшая мир возможностей маленькой Золушке. Ради этой стопки купюр Лида подписала соглашение о сотрудничестве в кабинете Шеремета. Ради этой цветной бумаги она не вернулась обратно к себе в деревню. Ради этих банкнот девочка продавала свою красоту и молодость, зная три языка и работая «принеси-подай-выйди вон». Лида разложила деньги веером, потом принялась пересчитывать их снова и снова, и чем дольше считала, тем всё сильнее улучшалось её настроение.

Строгие, правильные, выверенные со всех сторон Лидины отчёты регулярно ложились на стол Шеремета. Лидино положение крепло в коллективе, а красота Лиды, как бутон тюльпана, стала раскрываться на глазах и посетителей, и всего рабочего коллектива ресторана. Десятки мужских взглядов скользили по точёной Лидиной фигурке. Повторяя сотни раз одни и те же названия блюд и типичные разговорные общеупотребительные фразы, девушка поймала себя на мысли, что стала даже думать на других языках. Филологи так и полагают: глубинное знание, истинное понимание чужого языка наступает именно тогда, когда человек непроизвольно начинает думать на нём. И этот интересный факт Лида стала замечать за собой не раз и не два. Маленькая, худенькая, с точёным силуэтом фигуры она напоминала рюмочку. Её невероятно тонкая талия обращала на себя внимание практически всех посетителей «Медведя». Стройные Лидины ножки смотрелись несколько смешно в туфлях с громоздкими каблуками «полбуханки», но такова была дань моде, впрочем, Лиду это мало тревожило. Прекрасно сознавая себе цену, Лида вскоре отчётливо поняла, что она – украшение «Медведя», и именно ей ресторан обязан такими валютными выручками и постоянным бронированием практически всех столиков.

У входа круглосуточно дежурил швейцар. Одетый в элегантно сшитую, идеально подогнанную по его фигуре форму, старый Юрич, седой, уже в преклонных годах, имел вид благородный и услужливый. Крайне подобоострастный и внимательный к каждому иностранному гостю, Юрич мог запросто столкнуть со ступеней «Медведя» за шкварник любого жителя Черяпинска, а если простой советский гражданин оказывался глух к намёкам на свою несостоятельность в плане посещения приличных мест, то заканчивал своё дефиле полётом шмеля. Сколько же раз Юрич выслушивал вопросы о маленькой хорошенькой Лидочке, и кто только не интересовался этой голубоглазой красоткой с крашеными волосами цвета спелой пшеницы. Юрич долго соображал, что находили в ней эти солидные, сытые, лощёные иностранцы с раздутыми кошельками, важно и чинно, с нескрываемой долей высокомерия и любопытства смотревшие на русских женщин. Что же? Они играли её, а она играла их. Растворяясь в аромате «опиума», который осязаемым волнующим шлейфом следовал за маленькой Лидой, она хлопала своими длинными ресницами, подкрашенными тушью «Филипп Морис» и исчезала в подсобке ресторана. Вся фарцовка Черяпинска знала эту молодую капризную особу, готовую выложить за югославские сапоги, джинсы-клёши или шляпу-сомбреро нереальную сумму. Уверенность в себе подкреплялась множеством побед. Лида под конец устала отчитываться перед КГБ, где дотошный Шеремет взывал к её благоразумию, что, дескать, нельзя встречаться с иностранцами и «лить воду на мельницу капитализма». Немец сменился французом, француз – снова немцем, но уже другим. Как переходящее знамя, красивая молодая женщина пожимала руки скучающим иноземным господам, жизнь которых по вечерам украшал «Медведь» с варьете по субботам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.